

Клод Изнер Всюду кровь

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11283369
Изнер, Клод. Всяду крoвь: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-086230-6

Аннотация

1998 год, Париж. Миро Жасси работает букинистом на набережной Великих Августинцев. Он живет тихой жизнью, друзей почти нет, дома его ждет лишь пес Лемюзль. Однажды соседка по набережной, торговка сувенирами по прозвищу Стелла Кроненбург, передает ему детективы, оставленные какой-то взбалмошной клиенткой. Книги обернуты в один и тот же газетный номер, сообщающий о смерти его бывшего друга и шурина Ролана, тоже букиниста. Ролана нашли задушенным в его лавке, у ног стояли дорогие издания Жюль Верна. Волей-неволей Миро приходится начать собственное расследование, так как что-то подсказывает ему: он может стать очередной жертвой жестокого убийцы-библиофила.

Содержание

Благодарности	5
Предисловие	6
1	7
2	8
3	16
4	22
5	25
6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Клод Изнер

Всюду кровь

*Посвящается Этии, Морису, Хайме, Бернару, Рашель, Давиду и
Джонатану*

*Пока есть, что искать, ничто не потеряно.
Пьер Дак «Мысли»*

Права на издание приобретены при содействии *А. Лестер*
Перевод с французского осуществлен по изданию «Sang dessus
dessous» Éditions 10/18, De2partement d'Univers Poche, 2013
© Claude Izner, 2011
© Éditions 10/18, De2partement d'Univers Poche, 2013
© Бендет М., перевод, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Благодарности

Спасибо Франсуазе Луве за знание местных наречий и оказанную нам помощь.
Благодарим Соазига Ле Бая: он помогал нам, сам того не желая.

Предисловие

Жил-был в 1998 году букинист с набережной Великих Августинцев по имени Мирó Жасси; его лоток стоял по соседству с прилавком пухлой торговли сувенирами Генриетты Таз по прозвищу Стелла Кроненбург.

Миро решает раскрыть дело об убийстве, в котором как-то замешаны Жюль Верн и Луиза Мишель. Он принимается за расследование и влюбляется в девушку по имени Лора, фотографа по профессии.

Жили-были в 1889 году книготорговец с улицы Сен-Пер по имени Виктор Легри, его компаньон Кэндзи Мори и их помощник Жозеф Пиньо. Волею судеб Виктор узнает о серии убийств и без колебаний берется за весьма рискованные расследования.

Он влюбляется в Таша Херсон, молодую русскую художницу-эмигрантку, и за последнее десятилетие XIX века умудряется раскрыть немало загадочных преступлений.

Миро Жасси – дальний потомок Виктора Легри. Оба живут во французской столице; оба равнодушны к печатным изданиям и расследованию преступлений. Они не знакомы – их разделяет целый век! Но они связаны между собой как братья, как отец и сын.

Кто из этих двоих появился на свет раньше? Если опираться на хронологию, то Виктор окажется отцом Миро. Виктор охотно идет на риск, надеясь тем самым развеять скуку; Виктор, ревнивый влюбленный, боится, что любимая его бросит. Порой он действует чересчур осторожно – и часто совершает ошибки: ему недостает опыта Миро. В свою очередь, Миро непоследователен и не уверен в себе: статус независимого работника обеспечивает ему куда менее блестящие перспективы, чем книготорговцу конца XIX века.

Если считать, что Миро и Виктор – наши дети, то мы признаём, что Миро родился первым. Первородство обеспечило его определенным преимуществом – благоразумием. Его мир куда менее уютен, чем мир Виктора; его будущее куда менее определено.

Что между ними общего? Мягкость, своеобразное чувство юмора, непринужденность – вот свойственные обоим черты.

Виктор наивен, он верит в благо прогресса. Миро уже знает, что XX век оказался одним из самых страшных периодов в истории человечества.

Оба часто смеются. Смех Виктора наполнен надеждой. Смех Миро лишен иллюзий, порой циничен.

Мы создали Миро в 1998 году, Виктора – в 2000. Получается, что Виктор – сын Миро «наоборот»: сын, еще не знакомый с тем будущим... которое уже стало нашим прошлым.

Впрочем, неважно, кто эти двое друг другу – отец и сын или братья: оба не представляют себе жизни без книг, без любви, без смеха и без парочки трупов в шкафу, который мы, оказавшись на их месте, уж точно не стали бы открывать!

Клод Изнер

1

11 октября

Время будто остановилось. Она не знала, когда вонзила нож: прошло ли с тех пор всего несколько минут или счет шел на часы. Она выпрямилась, сделала глубокий вдох. Перед глазами заплескали полки с книгами, ей хотелось пить, все мышцы болели. Она с трудом натянула джинсы и свитер. Руки дрожали так сильно, что ей лишь с третьего раза удалось завязать шнурки. Лишь после этого она смогла взглянуть на него. Он лежал за прилавком, на голове – мешок для мусора, по левому бедру густой, блестящей струей текла кровь.

«Как давно я ждала этого», – подумалось ей.

У его ног она поставила на обрез большие книги в твердом переплете, выровняла их. Убедившись, что ничего не забыла, выключила лампу и вышла во двор. Дважды повернула в замке ключ и лишь затем сняла резиновые перчатки. Подняла голову к небу и увидела, как во тьме слабо мерцает единственная звезда. Она не испытывала ни жалости, ни угрызений совести – лишь огромное облегчение. Заправив под шерстяную шапку наушники от плеера, она полностью отдалась во власть музыки.

2

16 октября

Женщина, стоящая у витрины антикварной лавки, сменила кассету в плеере. Покачиваясь в ритм музыке, она разглядывала лотки букинистов, отделенные от нее потоком машин. На ней было длинное черное пальто, темные очки, шерстяная шапочка и перчатки. Зажав под мышкой пачку сигарет, она курила и не спускала глаз с человека на раскладном стульчике, который сидел на самом углу набережной, у моста, за лотком с грудой книг. Вытянув из пачки новую сигарету, она зажгла ее от окурка. Ей было некуда торопиться.

Миро Жасси сидел спиной к проезжей части и читал. Только это занятие могло его отвлечь, помогало ему забыть о толпах туристов, о безумных прохожих, об отвратительной атмосфере этого октябрьского дня. В отсутствие свежего воздуха и тишины он гулял по планете Стокфиш, которую обладающий безумной фантазией писатель населил феноменально одаренными рыбами. К несчастью, через пару десятков страниц дело закончилось приготовлением межгалактической рыбной похлебки. Миро отложил книгу и взялся за вчерашнюю газету. Краем правого глаза он наблюдал за перемещениями Стеллы Кроненбург – так он прозвал свою пухлую соседку, которая специализировалась на продаже латунных Эйфелевых башен и значков с надписью: I LOVE PARIS. Он отметил, что она открыла очередную банку пива и разом влила в себя все ее содержимое. Решив больше не обращать на Стеллу внимания, он погрузился в описание громкого преступления: три четырнадцатилетних подростка сумели ограбить банк.

Резкий визг тормозов и грохот заставили его сжать челюсти. «Не оборачивайся, – сказал он себе, – держи себя в руках, если даже всего один человек не обернется, пусть это будешь ты!»

– Готовьте клей! – воскликнула Стелла, кидаясь в собравшуюся на тротуаре толпу.

Миро уже добрался до страницы «Театр», но тут резкий голос Стеллы едва не порвал ему барабанные перепонки.

– Эй, ты это видел? А потом говорят, что женщины водить не умеют!

– *Родриго, кто бы ждал? Химена, кто бы мог?*¹ – пробормотал он.

– Чего?..

Стелла Кроненбург – настоящее имя: Таз, Генриетта – вытаращила голубые глаза.

– Это из Корнеля. «Сид».

– Миро, кончай уже читать. У тебя башка совсем не варит.

– *Не все погибли от нее, но пострадали все*², – пропел он, откладывая газетенку.

К его лотку подошел клиент.

Сделав ему скидку десять франков на «Пармскую обитель» в кожаном переплете – «Понимаете, это подарок», – сообщил ему покупатель, – Миро, довольный тем, что поучаствовал в добром деле, вновь уселся на свой стульчик.

– Стейк? – бросил, проходя мимо, Альбер, один из населявших набережную бесчисленных бездомных.

– Бутерброд, – буркнул в ответ Миро, что означало, что выручил он совсем немного.

Миро резко поджал ноги при виде целого полка испанцев, марширующих вслед за поднятым высоко в небо нераскрытым зонтом гида. Просто полчище саранчи какое-то. Куда идут эти поклонники туристических маршрутов? Собор Парижской Богоматери – Сент-

¹ * Пьер Корнель, «Сид». Перевод с фр. М. Лозинского. (Здесь и далее звездочками отмечены примеч. пер.)

² * Лафонтен. «Животные, заболевшие чумой».

Шапель – Эйфелева башня – Лувр – «Мулен-Руж», быстрее, быстрее, чекань шаг, видеоискатель к глазам, палец на кнопку, всегда будь готов нажать на спуск. Их автобусы отравляли планету – лишь ради того, чтобы они могли строем пройти по тротуарам огромных, спрутообразных городов!

Глядя на проезжающий мимо автобус, на боку которого красовался мускулистый, маслянисто блестящий Сильвестр Сталлоне, Миро подумал о том, как было бы хорошо, если бы к нему сейчас подошел жаждущий истинной культуры покупатель. Он проводил глазами стаю чаек, летящих вдоль Сены. Ему вдруг подумалось, что человечество наконец-то вступило в век утопий: нет больше нужды в тяжелом труде, теперь всякий может вволю отдыхать, бездельничать, читать книги, трахаться, обжорствовать, напиваться. Вот он, мир сплошных наслаждений. Какая-то женщина протянула ему книгу: «Письма Поля Клоделя³ Жаку Ривьеру⁴».

– Вы знаете, о чем она?

Миро предположил, что в переписке, скорее всего, идет речь о литературе.

– Ох нет, это не по мне, извините!

Миро сунул в рот три подушечки жевательной резинки со вкусом лимона. Он не курил уже два дня – пытался бросить в седьмой раз за год. Он знал, что снова сорвется. Но когда? После следующей Стеллиной выходки?

Или он вытащит из пачки сигарету, в очередной раз случайно коснувшись влажной руки Фрогги, жуткого старика, который регулярно пытался продать ему изодранные в клочья старые, никчемные книжки?

– Неплохая работа у вас, букинистов: продавать книги вы горазды, а вот чтоб купить – так нет, черта с два!

Шаркая стоптанными башмаками, Фрогги потащился дальше и рухнул на ближайшую скамейку. Миро почувствовал, как у него по спине от отвращения поползли мурашки. Он резко встал.

– Генриетта, я до табачной лавки и обратно.

– Давай, беги в свою лавку, в первый раз, что ли? – пробурчала Стелла, угрюмо разглядывая обрюзгший силуэт Фрогги, который уселся всего в нескольких метрах от нее и явно не собирался уходить.

Вдруг перед ней, словно из-под земли, выросла женщина в темных очках и шерстяной шапочке; она накинута на Стеллу:

– Где ваш муж?

– Какой еще муж? – откликнулась Стелла, в эти дни раздумывавшая над тем, как бы ей заполучить в законные супруги Брюса Уиллиса.

– Владелец вот этого лотка, невысокий брюнет, волосы до плеч. Он продал мне детективы!

– Миро? Он пошел пропустить стаканчик, скоро вернется.

– Все одинаковые, – процедила женщина. – Будто бы у меня других дел нет! Ладно, уж будьте добры, передайте ему вот это. Скажите, что нехорошо продавать книги, в которых не хватает страниц! Дело не в деньгах, он сделал мне хорошую скидку. Дело в принципе. И скажите, что я вернусь, чтобы он мне их поменял, слышите?

Когда Миро вернулся к лотку, Стелла метала громы и молнии.

– Меня слишком долго не было? Фрогги ушел?

³ * Поль Клодель (1868–1955) – французский католический поэт, драматург.

⁴ * Жак Ривьер (1886–1925) – французский писатель, с 1918 г. – главный редактор престижного журнала «Нувель ревью франсез».

– Да, ушел, – рывкнула Стелла. – А ты давай-ка предупреждай своих клиенток, что я им не жалобная книга! Сколько можно!

– Подожди, ты о ком? Что за клиентка?

– Да не клиентка, а просто мегера! В черном пальто и вязаном капоре.

– В чем, в чем?

– Ну это вязаная шапка такая, вроде шлема. У меня была в детстве такая шапка, мне она очень шла, ее связала моя ба...

– Вязаный капор, – повторил Миро, разглядывая сверток. – Ничего не понимаю. Я всегда проверяю товар. Это не мои книги.

– Может, ты забываешься, когда читаешь, и вырываешь страницы? – бросила ему Стелла, не любящая, когда ее перебивают.

Он разорвал пакет и вытащил три детектива, обернутые в газетные листы. Части страниц не хватало, из других были вырезаны слова или даже целые фразы. Казалось, что какой-то недовольный читатель свел счеты с этими книгами.

– Это какой-то розыгрыш, я уверен, – пробормотал Миро.

Перед глазами у него возникло хитроватое лицо Фрогги. Нет, старый хрыч вряд ли на такое способен. Миро с подозрением оглядел Стеллу Кроненбург: та оттирала от пыли металлические коробки с «Воздухом Парижа». Настоящая Валькирия: язык у нее подвешен хорошо, любой позавидует, но вот в голове такая пустота, что там наверняка ветер дует.

Он уже собрался было разложить книги на парапете, когда вдруг заметил крупный газетный заголовок:

УЛИЦА РОКЕТТ (ОДИННАДЦАТЫЙ ОКРУГ)

УБИЙСТВО КНИГОТОРГОВЦА

Окровавленный труп Ролана Френеля был обнаружен вчера утром в его лавке старой книги. В полицию обратился сосед книготорговца, встревоженный тем, что не видел месье Френеля уже несколько дней. Полицейские из отдела уголовного розыска пытаются раскрыть загадочное убийство. Первый осмотр магазина показал, что в данном случае речь идет не о краже со взломом.

Миро не сразу вник в смысл заметки. Он несколько раз перечитал ее. Внезапно ему показалось, что у него двоится в глазах: две оставшиеся книжицы были обернуты в точно такие же газетные листы. Он лихорадочно сорвал газеты, развернул, стал искать дату. Опубликовано вчера, значит, труп обнаружили два дня назад. Ошеломленный Миро прислонился к лотку. Как давно они с Роланом не разговаривали? Прошло года два, не меньше. Пару раз они сталкивались на блошиных рынках: то в Ванве, то в Монтрее, но делали вид, что не замечают друг друга. А все из-за мелочи – книг, купленных вскладчину в северном предместье. Ролан тогда заподозрил, что Миро припрятал для себя ценный экземпляр. Миро был поражен. Он знал, что Ролан – тот еще параноик, но обвинить его, своего друга... Ролан так и не извинился: делал вид, что ничего не случилось, как будто случайно заходил к нему на набережную, хлопал по плечу, приглашал в ресторан. Но только в тот раз их старая дружба не выдержала. А теперь о примирении и подавно не могло быть речи. Ролан мертв, его убили. Почему? Зачем? Случившееся казалось совершенно нереальным. А Нелли? Нелли знает?

Надо позвонить, сейчас же.

– Генриетта! Присмотришь одним глазком?

– Пока я здесь, целыми двумя! – бросила Стелла.

Он поднялся по улице Дофин, зашел в табачную лавку, заказал кофе и спустился в подвал. Пролистал блокнот, куда он – если не забывал – записывал выручку за день, подслушанные на набережной разговоры, адреса. Набрал номер, он плечом прижал к уху трубку и развернул вырезку со статьей. Он все еще не мог поверить, что это правда. В последний раз он видел Ролана в Монтрёе, у Льевена, в июне. Или в июле?

– Алло?... Алло?... Кто это?

Он узнал ее голос, певучие интонации, и сердце чуть не выскочило у него из груди.

– Нелли? Это я, Миро.

Наступила тишина. Он слышал ее дыхание на другом конце провода.

– Нелли, ты меня помнишь? – спросил он, стараясь, чтобы вопрос прозвучал игриво.

– Да, Миро, я тебя помню. Сложно забыть того, с кем прожил больше семи лет... Как твои дела?

– Послушай, Нелли, я только что узнал про твоего брата... Если хочешь, я... Я только закрою лоток и приеду.

– Адрес знаешь?

– Улица Висконти, дом 69. Квартира Баннистеров. Так?

– Да. Я тебя жду.

Он повесил трубку, руки дрожали. Несмотря на давным-давно принятое решение быть ко всему равнодушным, он все еще не мог забыть, как был счастлив с Нелли.

Он бегом вернулся на набережную. Стелла соединила большой палец с указательным: получился идеальной формы круг.

– Не знаю, как у тебя, но у меня ничего. Если так и дальше пойдет, жрать мне будет совершенно нечего.

Вот и последняя капля! Он вытащил из полупустой пачки сигарету, чиркнул спичкой, глубоко вдохнул дым. Сунул детективы в сумку, сложил стульчик, бросил его на кипу журналов и захлопнул крышку лотка.

– Уже закрываешься? – крикнула Стелла.

Дом был из дорогих, с отдельным служебным входом. Видимо, Нелли, когда-то только мечтавшая о жизни без материальных забот, нашла свое счастье.

Она жила на седьмом этаже, но Миро все равно не поехал на лифте. Когда он, задыхаясь, преодолел последний лестничный марш, она уже ждала его у открытой двери. На ней был длинный белый свитер и черные брюки; тонкие руки скрещены на груди. Увидев Нелли после долгой разлуки, он неожиданно для себя потерял представление о времени: ему вдруг показалось, что они не расставались, что он просто вернулся домой после длинного рабочего дня.

– Так и страдаешь клаустрофобией?

Он выдавил улыбку, кивнул – в горле стоял ком. Она осунулась, глаза были красные, заплаканные. Растрепанные темные волосы подчеркивали бледность кожи. Она была такой же красивой, как и в его воспоминаниях.

Она пригласила его войти. Огромная квартира с толстыми коврами, обставленная дорогой мебелью. На стене напротив кожаного кресла, куда она предложила ему сесть, висела большая картина Полякова⁵.

– Налить тебе коньяку?

– Ты одна?

– Ларри в Бостоне, с малышкой.

⁵ * Серж Поляков (1900–1969) – французский живописец русско-киргизского происхождения.

Она бросила на него быстрый взгляд.

– Ее зовут Мойра. Ей почти два.

Миро застыл у кресла, не вынимая рук из карманов своей старой куртки. Он смотрел на красное пятно на картине Полякова. Нелли ушла от него три года назад. И она не теряла времени даром. Ему вспомнилась их крошечная квартирка на улице Рамэ. Вспомнилась их первая встреча. Ролан устроил вечеринку в честь открытия собственной книжной лавки, и Нелли явно чувствовала себя неловко в толпе громко говоривших гостей. Она приехала из Гренобля, поступила в Школу Лувра⁶. Интересовалась живописью, гравюрой, кино. Они перекинулись парой слов; он ее рассмешил. Они стали общаться. Незаметно для них самих дружба переросла в более нежное, более требовательное чувство. Как-то вечером он пригласил Нелли подняться к нему: «Окна моей квартиры выходят прямо на небо». Поначалу они скрывали свои отношения. Потом Нелли перебралась на улицу Рамэ. Миро стал букинистом, она сумела найти работу в туристическом агентстве на неполный день. Казалось, они всегда будут вместе...

– Не хочешь сесть?

Миро медленно разжал кулаки, отвлекся от воспоминаний. Бросил сумку в кресло, снял куртку.

– В этом дворце есть водопровод?

– Я помню, – тихо сказала она, – после работы у тебя всегда были черные руки.

– *Вот что такое рабочие руки*⁷, – напел он.

Она печально улыбнулась. Он прошел за ней по бесконечному коридору в роскошную ванную комнату. В зеркале над раковиной он увидел отражение мужчины – еще молодого, несмотря на изборожденный морщинами лоб, – и задумался над тем, из чего составлена личность человека по имени Миро Жасси, которому будущим летом исполнится тридцать восемь. И где же скрывается то самое «я», которое снабжает его существование мыслями и суждениями, принадлежащими будто бы лишь ему одному?

Они вернулись в гостиную, напоминающую приемную в частной клинике. Он смотрел, как Нелли наливает коньяк. Казалось, что перед ним незнакомка, внешне чем-то напоминающая женщину, которую он когда-то любил.

– Расскажи мне все, – попросил он.

– В четверг днем раздался телефонный звонок. Звонили из полиции... Сказали, что случилось несчастье, что Ролан мертв. Они не... в общем, мне пришлось сразу же поехать туда. Мне казалось, что я – больше не я, что на моем месте оказался мой двойник.

Миро вспомнил, что, когда умерла его мать и ему пришлось заниматься организацией похорон, он был как в бреду. Он мягко спросил:

– Вы с Роланом виделись?

– После рождения малышки ни разу. Идиотская история.

– Я слышал. Он был уверен, что ты... взяла у него эскиз Дега.

– Взяла? Я ничего у него не брала.

– Знаешь, после того как ты уехала в Штаты, мы с ним поссорились примерно из-за такого же пустяка.

Чувствовала ли она вину за то, что бросила его? Неужели деньги способны все заменить? Их глаза встретились. Пару секунд они смотрели друг на друга, подобно боксерам, оценивающим противника перед боем.

⁶ * Школа Лувра – высшее учебное заведение в сфере музейного образования, открытое в 1882 г.

⁷ * Цитата из песни французского шансонье Монтегю (1872–1952) «Ils ont les mains blanches» («У них белые руки»), 1910 г.

– Думаю, у Ролана была мания преследования, – сказала она. – Он уже в детстве был уверен, что весь мир настроен против него. Он вел себя агрессивно, приписывал окружающим чувства, которые сам испытывал.

– Но ведь все мы порой ведем себя так же, как он?

– Возможно, – пробормотала она, отворачиваясь.

Миро глотнул коньяку. У него тут же свело желудок.

– Ты не знаешь, у него были враги?

Нелли с любопытством взглянула на него, затем снова принялась разглядывать свой стакан.

– Но это же полный бред! – воскликнул он. – Ох, черт, прости, я все никак не могу поверить...

– В то, что это правда? Я тоже. Мне пришлось его опознать, пришлось отвечать на вопросы...

Она передернула плечами. Он наклонился к ней.

– Тебе необязательно говорить об этом сейчас. Если хочешь, я зайду как-нибудь потом.

– Нет, ты должен знать. Они обнаружили труп в магазине. Жалюзи не поднимали уже три дня. Сосед, владелец быстро, забеспокоился, потому что Ролан регулярно у него обедал. К тому же его фургон стоял у магазина, на тротуаре. Он позвонил в квартиру – никто не взял трубку. Тогда он сообщил в комиссариат одиннадцатого округа. Ролан лежал на спине, на голове – пакет. Он был голый, его закололи ножом и...

Она глухо застонала. Миро едва сдерживал желание сжать ее в объятиях.

– Самое ужасное – вся эта сцена, эти книги...

Она разрыдалась. Он настойчиво спросил:

– Что за книги, Нелли?

– Книги... их поставили на обрез у его ног, они будто бы смотрели на него, – знаешь, эти красивые издания из коллекции «Этцель», романы Жюль Верна, и все изрезаны в клочья.

Миро вздрогнул. Эта сцена ему что-то напомнила. Нелли положила руку ему на плечо. Образ тут же рассеялся.

– Миро, ты в порядке?

– Ты запомнила названия романов?

– Нет. И потом, какая разница? Преступление совершил сумасшедший. По словам судебно-медицинского эксперта, Ролан занимался любовью, ему подсыпали наркотики или снотворное, успокоительное, не знаю. Потом его задушили пакетом – он умер от удушья. Удары ножом – это уже так, на всякий случай.

Миро закрыл глаза. Образ вновь возник, начали вырисовываться детали...

– Я хочу, чтобы они нашли ту сволочь, которая сделала это с моим братом!

Образ рассыпался, он его упустил.

– Его ограбили?

– Нет. Ты же знаешь, он собирал книги из коллекции «Этцель», очень ими увлекался. Кроме этих трех книг, убийца ничего не тронул.

– Нелли? Если хочешь, я останусь...

– Нет-нет, спасибо. Сейчас должна вернуться домработница.

Он резко отодвинулся от нее так, чтобы она не могла больше к нему прикоснуться.

– Послушай, выпей снотворное и ложись. Я оставляю тебе свой телефон, если вдруг что... Позвоню завтра утром.

Оказавшись на улице, он в первом же кафе выпил еще порцию коньяка: он обжег ему горло.

Едва вставив ключ в замок, Миро услышал, как с другой стороны в дверь скребется Лемюзль. Пес запрыгал вокруг хозяина.

– Да-да, старик, пора пописать, идем.

Квартира – две маленькие комнаты, кухонька, ванная с душевой кабиной – прежде принадлежала проститутке, водившей сюда клиентов, и потому была отделана как бонбоньерка. Миро поселился здесь спустя несколько месяцев после ухода Нелли: тогда он мечтал лишь о том, чтобы найти надежное убежище и надолго в нем спрятаться. Постепенно комнаты наполнились книгами, журналами, гравюрами, и квартира стала походять на пыльный чердак. Миро привык к обоям с букетиками фиалок, к выкрашенному лиловой краской потолку и розовым коврам. Удобная кровать, книги, музыка, телевизор на случай бессонницы – все это делало его жилище уютным и тихим. В доме хозяйничал двухцветный фокс-терьер Лемюзль: Миро обнаружил его привязанным к фонарному столбу пару лет назад, в первый день осени.

Миро спустился по лестнице, Лемюзль бежал следом. На втором этаже им встретился Блез де Разлап, вдовец, пенсионер, всю жизнь отработавший на почте: он вел на прогулку свою таксу Бобби, такую же дряхлую, как и он сам.

– Добрый вечер, мсье Жасси. Дождя не боитесь? Хотя, конечно, с вашей-то работой... Мой Бобби с удовольствием посидел бы в тепле, но ему нужно сходить по-маленькому. Гляньте-ка, он знает, что мы о нем говорим, правда, Бобби? У кого это такой красивый хвостик? У Бобби? Ай, что за хвостик!

На последних словах хозяина, произнесенных тоном выше обычного, Бобби сделал стойку, поднял уши и уселся на обрубок, служивший ему вместо хвоста. Блез де Разлап издал рев, означавший, что он пришел в наилучшее расположение духа, и покорно зашлепал вслед за Миро.

Тротуары улицы Кремье блестели под моросящим дождем. Сейчас, в шесть вечера, уже совершенно стемнело. Ряды небольших домов с занавешенными окнами вызвали в памяти Англию. Из-за угла Лионской улицы вышел прохожий. Лемюзль бросился задать ему трепку. Миро узнал тощего Башира, студента истфака, который подрабатывал официантом в буфете на Лионском вокзале. Старик Блез свистнул Бобби и, даже не попрощавшись, обратился в бегство.

– Бобби, его хвост и их хозяин не слишком меня жалуют, – хохоча, заметил Башир.

– Хоть ты такой же человек, как и мы...

– Ну конечно!

Они по-приятельски хлопнули друг друга по плечу. Башир вдруг замолчал и встревоженно взглянул на Миро.

– Я должен тебя кое о чем попросить. Если откажешь, я пойму. Речь всего о паре дней, пока не найдется подходящее жилье...

– Ты о ком? О сестре?

Башир хихикнул.

– Нет, это мой кузен, Селим, он завтра приезжает из Рубэ, но ты же видел мою комнату – каморка, другого слова нет, два человека там не поместятся. В общем, если ты можешь...

– Пусть поживет, но кормить я его не буду – я сейчас на мели.

– Деньги у него есть, и потом, он придет работать. Он отличный парень, не переживай.

– Пару дней, не больше.

– Ты нас очень выручишь!

Башир помчался дальше. Миро тут же пожалел, что согласился, и крикнул вслед приятелю:

– Слушай, Башир, а ведь для своей подружки ты всегда находишь место!

Миро растянулся на кровати. Он собирался проспать десять часов. У кровати, на стуле, заваленном книгами и одеждой, лежала пачка сигарет, но он удержался и не закурил. Мысли мешали одна другой, голова трещала. Не надо было ему встречаться с Нелли. Любил ли он ее? Он злился на нее, он ее хотел. Странное чувство, с которым он никак не мог совладать. Все его существо наполняла глухая грусть. Лемюэль, свернувшийся клубком в ногах кровати, вздрогнул во сне. Миро посмотрел на спящего пса и сказал себе, что, в конце концов, вся жизнь – лишь череда отрезков времени длиной в сутки: работать, потреблять, любить и спать, чтобы затем снова работать, есть, любить... Почему Нелли от него ушла? Он изо всех сил старался сделать ее счастливой. Он вспомнил, как однажды доверился Ролану и услышал в ответ: «Делай, как я, Миро, не привязывайся, тогда не будешь страдать. В сущности, под маской бунтаря, ты самый обычный пуританин: мечтаешь о том, чтобы любовь и секс были для тебя связаны с одной-единственной женщиной».

– Хватит, Миро, забудь, все это в прошлом, – пробормотал он.

Прямо под ним раздался крик: в соседской квартире на два голоса заревели маленькие братья-близнецы. Персеваль и Ланселот Левассёр требовали, чтобы их покормили одновременно. Тут же заработала противошумовая система. На первом этаже Башир включил телевизор. Выше этажом Блез де Разлап, пылкий поклонник Бизе, запустил «Верю вам, сеньор; лишь на время удалюсь, потом сюда опять вернусь. Ведь дон Хозе обязан непременно явиться с караулом вам на смену?»⁸. Миро поставил на проигрыватель хрипящую пластинку. Встал, принял душ под звуки «Stompin' at the Savoy»⁹, съел полтарелки теплого рагу из бобов. Когда Бенни Гудмен устал бесконечно брать один и тот же аккорд, Миро убрал заезженную пластинку на 33 оборота обратно в конверт. В доме воцарилась тишина. Близнецы переваривали ужин.

⁸ * Жорж Бизе, «Кармен», первый акт. Перевод Н. Ковина.

⁹ * Знаменитый джазовый стандарт, сочиненный в 1934 г. Эдгаром Сэмпсоном (1907–1973).

3

17 октября

В два часа ночи Миро проснулся. Его преследовало видение: голый Ролан на полу под строгим взглядом Джеймса Мэйсона. Миро, спотыкаясь, отправился в ванную. Джеймс Мэйсон! Видение казалось настолько нелепым, что у него все поплыло перед глазами. Он намочил лицо холодной водой. В голове будто что-то щелкнуло: «Немо! Капитан Немо! Джеймс Мэйсон в роли Немо в фильме студии Уолта Диснея». Миро было лет семь или восемь, когда он посмотрел «Двадцать тысяч лье под водой». После этого ему снились кошмары: полчища спрутов с клейкими щупальцами! Он закрыл кран, поднял голову, взглянул на себя в зеркало: настоящий зомби. Второй щелчок: «Ролан! Жюль Верн!» Что за идеи роились в его подсознании? Это и правда загадка или пагубное воздействие рагу? Он чувствовал страшную усталость. Вернувшись в постель, тут же провалился в сон.

Ему снились Нелли, Стелла Кроненбург и его мать, умолявшая вернуть ей омолаживающий гель «Юность», производимый нормандскими монахами; последнее показалось ему совершеннейшим бредом, ведь бедная женщина покинула этот мир уже тринадцать лет тому назад. Но еще большим бредом было появление мегеры в вязаной шапке, требовавшей во что бы то ни стало продать ей книгу последнего гонкуровского лауреата под названием «Как пересечь площадь Бастилии на велосипеде».

Миро проснулся от отчаянных криков близнецов Левассёр. Было семь утра. Он набрал номер Нелли. Выслушал более двух десятков гудков, прежде чем повесить трубку. Пока Лемюзль уплетал огромную порцию сухого корма, Миро проглотил две таблетки аспирина, запил их скверным сладким кофе и вернулся в постель. Он проспал до девяти. Вновь попытался дозвониться до Нелли и на этот раз наткнулся на автоответчик, велевший ему оставить сообщение. Как и всегда, он ничего не сказал – не сумел подобрать нужные слова. Неохотно поднялся, набил рюкзак книгами и сел в метро, надеясь, что неожиданно хорошая погода не переменится до вечера. На станции «Шатле» он вспомнил, что забыл дома кошелек.

– *She hangs her head and cries in my shirt. / She must be hurt very badly...*^{1*10} – напевала девушка в наушниках.

Время от времени она замечала в витринах отражение невысокой молодой женщины с собранными в хвостик волосами. Она удивлялась, приходилось тут же напоминать себе: «Это я, я!»

Она прошла мимо здания Оперы, пересекла улицу Фобур-Сент-Антуан. Она не понимала, что заставляет ее снова и снова возвращаться в этот квартал: как будто бы ее тело обладало собственной волей и по наитию находило дорогу. Она прекрасно помнила все те места, где раньше бывала Мари-Джо: эти воспоминания стали частью ее настоящего. Бистро «У Ненетт и Мориса» превратилось в азиатский фастфуд, на месте театра открылся супермаркет. Она испытывала своего рода ликование – и в то же время грусть. Она подняла голову. Гений Свободы на фоне неба все так же стремился ввысь.

Она повернула обратно. Выбрала скамейку на небольшой площадке у канала Сен-Мартен, села, открыла сумку и вытащила моментальный снимок, сделанный как-то днем на террасе кафе «Ле Дом». Она никак не могла его выбросить. На снимке были все трое – Ролан, Миро, Мари-Джо со своей длинной челкой – юные, совсем юные: они улыбались, прижавшись друг к другу. Однажды они сходили в Синематеку на старый гангстерский фильм,

¹⁰ 1 Песня «Sad Lisa» Кэти Стивенса, 1970 г., с альбома *Tea for the Tillerman*. (Здесь и далее цифрами обозначены примеч. автора.)* «Она опустила голову, и слезы текут мне на рубашку. / Ей, должно быть, очень плохо...» (англ.)

после чего Мари-Джо сделала себе прическу, как у Вероники Лейк, американской актрисы сороковых годов. Волосы, закрывавшие часть лица, подчеркивали ее образ роковой женщины. Юноши чокались, Мари-Джо смотрела в объектив. Снимала наверняка та, другая – самозванка, мерзкая недотрога.

Девушка с плеером улыбнулась. Она испытывала нежность к Мари-Джо времен этой фотографии, к той, что боролась, стремясь добиться всего, о чем остальные лишь мечтают: успеха, признания, любви, к той, что часто говорила: «Есть лишь один способ прожить жизнь – знать, чего ты хочешь, и получить это». Парни тогда посмеивались над ней – им было неловко от того, что соблазнительная девушка может так рассуждать.

Девушка в наушниках порвала фотографию. Она достигла того странного состояния внутреннего спокойствия и уверенности в себе, какое бывает необходимо для принятия важных решений. Она встала. Она была нужна Мари-Джо.

Два-три голубоватых просвета на сером небе выманили на набережную Сены старьевщиков и любителей пеших прогулок. Еще до полудня заработок Миро сравнялся с забытой им дома суммой. Стелла Кроненбург появилась как раз тогда, когда какой-то не имеющий лицензии торговец предлагал Миро купить у него газовый баллончик для самообороны по сходной цене – 39 франков вместо 49, сделка века. Пока соседка раскладывала на своем лотке сувениры, Миро сбегал за бутербродом и стаканчиком кофе.

Во второй половине дня произошло два события, восстановивших дружбу между Миро и Стеллой, которую несколько подпортили недавние размолвки. Перелистывая страницы книжицы Фруттеро и Лучентини¹¹ «Господство идиотизма», Миро заметил, как какой-то мужчина в широком пальто сунул во внутренний карман эмалевую репродукцию «Подсолнухов» Ван Гога. Когда клептоман проходил мимо его лотка, Миро схватил его за руку и вытащил из кармана «Подсолнухи».

– Он резким жестом распахнул плащ и продемонстрировал перепуганной барышне свои подсолнухи! – с пафосом произнес Миро, возвращая соседке похищенное имущество.

Этот героический поступок обеспечил ему банку пива и бесконечную благодарность Стеллы, которая немедленно оплатила ему услугой за услугу. Черногожий парень с фигурой сумоиста спросил у Миро, есть ли у него книга «Сатана там правит бал и оргию». Миро ответил ему, что Жорж Анкетиль¹² удовольствовался написанием книги под названием «Сатана там правит бал». Сумоист нахмурил брови и злобно повторил:

– «И ор-ги-ю!»

– Простите, никакой оргии, – ответил ему Миро и тут же почувствовал, как его схватили за лацканы куртки и сильно встряхнули.

И тут откуда-то выскочила Стелла: потрясая Эйфелевой башней размера XXL, она кинулась на обидчика с криком:

– Ты что это, оглох, парень? Не слышишь, что ли, что тебе говорят? Нет здесь никаких оргий, скотина ты этакая!

Миро глядел на стоящую вдали статую Генриха IV и надеялся, что умрет быстро и не успеет почувствовать боль.

– Ну что, парень, теперь услышал? Давай-ка, пошевеливайся, дуй отсюда! – визжала Стелла.

Сумоист поднял руку, прикрывая лицо, и поспешно ретировался, вслед ему неслись вопли разъяренной торговки сувенирами.

¹¹ * Карло Фруттеро (1926–2012) и Франко Лучентини (1920–2002) – итальянские писатели, журналисты, известные своими детективными романами, написанными в соавторстве.

¹² * Жорж Анкетиль (1888–1945) – французский журналист, автор многих статей, превозносивших свободную любовь.

– Да что это с ними такое? Если так будет продолжаться, я совсем тут свихнусь!
Чтобы успокоиться, Стелла сделала хороший глоток пива.

– Что же это творится, Миро? Вчера явилась эта чокнутая, устроила мне сцену, как будто я ей что-то должна. А в прошлом месяце – я уж и забыла – приходила эта рыжая курица, возомнившая себя станцией метро «Луиза Мишель».

– Что? Кто? – встрепенулся Миро.

– «Луиза Мишель», ты что, оглох? Это станция на моей ветке, я живу между «Гонкур» и «Пармантье» ... Слушай-ка, что это с тобой, ты часом не отрубился прямо здесь?

– Повтори, что ты сейчас сказала.

– Я живу между станциями «Гонкур» и «Пармантье».

– Нет, до того. Ты говорила о женщине с рыжими волосами и о Луизе Мишель.

– Ну да, есть такая станция метро – как «Шарль де Голль – Площадь Звезды» или «Бобиньи – Пабло Пикассо»... Чего ты распереживался, это что, твоя родственница?

– Нет. Луиза Мишель была революционерка, идеалистка, боролась против социального неравенства. Она жила в девятнадцатом веке. После Парижской коммуны ее сослали в Новую Каледонию. Ее называли Красной девой.

– Неплохо, с такими-то морковными волосами... В девятнадцатом веке, говоришь? Не глупи, Миро, повторяю тебе, она приходила с месяц назад! Совершенно тебя достала с этим своим Жюлем Верном! Эй, да что они там делают? Сейчас всё повалят! Черт вас возьми!

Стелла кинулась собирать рассыпавшиеся по тротуару репродукции «Джоконды».

Подняв воротник куртки, Миро прислонился к парапету. Он тут же все вспомнил. Перед глазами возник четкий образ немолодой рыжеволосой женщины. Она спрашивала «Двадцать тысяч лье под водой» и романы Луизы Мишель. Она настаивала: «Да, да, именно так, Луиза Мишель и “Двадцать тысяч лье под водой”», а затем добавила: «Знаете, почему?»

Он не знал. Тогда она объяснила: «Я – реинкарнация Луизы Мишель, и у меня есть цель. Я должна уничтожить этот роман, который якобы написал Жюль Верн, потому что на самом деле рукопись ему продала Луиза Мишель, обменяла на горбушку хлеба!»

Он записал ее заказ. С сумасшедшими нельзя спорить.

Возникло другое видение: Ролан, капитан Немо. Его вдруг бросило в жар. Есть ли какая-то связь между убийством, видением и безумной рыжеволосой женщиной? Кто-то об этом уже писал... Кто?... Ах да, Юнг¹³! «Черт, Миро, прекращай, ты и правда не в себе! Хотя это действительно странно».

– Послушай, Стел... Генриетта, эта история меня несколько смутила, надо бы выпить чего-нибудь. Ты не будешь против, если я...

– Нет, конечно, иди, я за всем присмотрю!

И Стелла заняла оборонительную позицию между двумя лотками.

О том, чтобы пить, не могло быть и речи. Миро быстрым шагом прошел вдоль набережной Великих Августинцев, по набережным Сен-Мишель и Монтебелло. Он спрашивал всех букинистов, не подходила ли к ним рыжеволосая женщина, искавшая «Двадцать тысяч лье под водой». Несколько человек ответили утвердительно – хотя никто не записал ни ее адреса, ни телефона.

Он бегом вернулся к своему лотку. Бдительной Стеллы не было на месте – ее окружила толпа японских туристов, увешанных Эйфелевыми башнями. «Если у меня ничего не украли, мне сильно повезло», – подумал он, падая на раскладной стульчик.

– Эй, Миро, решил, что ли, заправиться по-серьезному? Я думала, ты утонул! На вот, я продала твоего гида Мопассана.

¹³ * Карл Густав Юнг (1875–1961) – швейцарский психиатр, разработавший учение об архетипах.

На этот раз и правда ничего не пропало – но Миро чувствовал себя подавленным. В течение дня он несколько раз звонил Нелли, втайне надеясь, что она пригласит его к себе. Человек способен держать себя в руках лишь некоторое время, не вечно. Встреча с ней пробудила в нем желание. Он достаточно хорошо знал себя и понимал, что причина его нервного состояния – фрустрация.

Интересно, спала ли она с Ларри до того, как ушла от него?

«Послушай, Миро, мы оба сумели кое-чего достичь. Если мы будем и дальше жить вместе, нам нечего будет дать друг другу. Мне бы хотелось, чтобы мы остались друзьями». Друзьями, еще чего! Он встречался с Ларри – настоящий мачо, смесь Джона Уэйна с Тарзаном. Они друг другу не понравились.

Может быть, случится чудо? Может быть, она ему позвонит? Он пожалел, что у него нет автоответчика.

«Бедняга! Да ты просто идиот! Пора смириться с тем, что никак нельзя изменить!»

Миро медленно побрел по мосту через Сену, уставившись себе под ноги. Лишь теперь он впервые осознал всю трагедию случившегося с Роланом.

Когда он увидел у дверей своего дома широко улыбающегося Башира, а рядом с ним – худющего паренька, его подавленность сменилась растерянностью. Черт возьми! Кузен. Я о нем совершенно забыл.

– Миро, помнишь, о чем я тебя вчера просил?

– Прекрасно помню.

Довольный Башир повернулся к своему кузену:

– Вот видишь, Селим, я же говорил!

Миро решил уточнить:

– Башир, но мы договорились, всего на пару дней...

– Да-да, мой приятель как раз обещал подыскать ему комнатенку.

Миро определил Селима и его чемодан в комнату, обычно игравшую роль чулана. Трехногий диван они установили на пару томов «Избранных писем» монсеньора Дюпанлу¹⁴. Только после этого Миро вспомнил, что у него нет постельного белья.

– Не беспокойтесь, я обойдусь своей курткой.

Миро взглянул на свитер Селима: тонкий как сигаретная бумага. Он вспомнил, как при встрече пожал его ледяную руку, и решил зайти к Левассёрам.

Коринна Левассёр, крошечная брюнетка, которой и одного ребенка, казалось, было бы слишком много, резко распахнула перед ним дверь и тут же умчалась в глубь квартиры.

– Извините меня, у Ланселота режутся зубы.

Она вернулась через пару минут, держа на руках пухлого, толстощекого орущего младенца.

– Одеяло? Конечно. Можете его поддержать?

Миро взял ребенка на руки. Глядя на вопящий сверток, он спрашивал себя, могло бы отцовское чувство пересилить то отвращение, которое он испытывал к маленьким детям.

– Скажи-ка, Ланселот, твой брат похож на инопланетянина так же, как и ты?

– Вот и одеяло, – сообщила Коринна. – Давайте меняться.

Миро отдал ей Ланселота, забрал одеяло и вернулся к себе. Селим шарил в кухонных шкафах.

– Зря ищешь, я уже избавился от орудия преступления.

Селим подпрыгнул от неожиданности.

¹⁴ * Феликс-Антон Дюпанлу (1802–1878) – французский епископ, проповедник и писатель. Член Французской академии.

– Я хотел приготовить что-нибудь на ужин.

– Боюсь, у меня мало что есть. Макароны, хлебцы, может, кусочек грюйера...

– Я что-нибудь придумаю. Позову вас, когда будет готово.

Полчаса спустя Миро сидел перед тарелкой, полной макарон с сыром. Он странно чувствовал себя оттого, что кто-то решил позаботиться о нем. Это было настолько приятно, что он не смог отказать себе в удовольствии и потянулся за сигаретами.

– Ты не против?

– Против, – ответил Селим.

Миро в замешательстве отложил пачку.

– Забавно, люди всегда ждут, что им ответят «конечно, нет», – сказал Селим. – Вы давно курите? У вас зависимость?

– Нет, я только сегодня начал, – буркнул Миро. – У тебя есть какая-нибудь работа?

– Друг моего отца держит бакалейную лавку в Безоне, я завтра приступаю. Курите, это я так, решил пошутить.

– До Безона недалеко.

– Да, я встану рано, постараюсь не шуметь. Лавка закрывается в девять вечера, так что... Вы мне откроете?

– Не жди меня, дорогой, ложись спать, я буду поздно, – прошептал Миро. (Он тут же понял, что так говорить не следовало: Селим недоуменно уставился на него). – Нет-нет, это не то, что ты думаешь, просто порой меня одолевают воспоминания.

Селим убрал со стола. Миро представил его младшим ребенком в большой семье: родня всю жизнь его эксплуатировала, и теперь он счастлив оттого, что приехал горбатиться в Париж и избавился от ее гнета.

– Наверное, тебе тяжело было уехать от родных.

– Нет, что вы! Мы жили вдвоем с отцом. Он собрался снова жениться, а я на дух не выношу его невесту.

– Тебе сколько лет?

– Я совершеннолетний. Мне девятнадцать.

Миро отодвинул стул и встал.

– Оставь посуду. Лемюэлю пора спать, да и мне тоже. Да, пока помню, вот тебе ключ. И давай уж со мной на «ты», так будет удобней, – бросил он, закрывая за собой дверь в спальню.

Лемюэль тут же начал ежевечерний ритуал: принялся ловить свой хвост, тереться о мебель, заваливаясь то на правый, то на левый бок.

– Нет, старина, это мое!

Миро поднял свою сумку и бросил на стул. На ковер высыпались монеты и кусочки рафинада.

– Что, псина, хочешь десерт?

Лемюэль живо повернул голову, помедлил, будто бы не веря, что кусок сахара настоящий, затем раскусил его и спрятался под одеяло.

Миро плашмя повалился на кровать. Он лежал неподвижно, глядя на вывалившиеся на пол из сумки книжицы из «Черной серии»¹⁵: «Затрещина Жюлю» и «Догадались?»

– О господи! – пробормотал он.

Сердце едва не выпрыгнуло у него из груди. Он секунду подумал. Ответ был совсем рядом... Женщина в вязаной шапке! Он был так потрясен убийством Ролана, что сунул детективы в сумку, даже не взглянув на названия.

¹⁵ * Детективная серия, которую с 1945 г. выпускает парижское издательство Gallimard.

Его осенило. Он был в шаге от разгадки. Это послание! Кто-то оставил ему послание! Книжки не случайно оказались обернуты в одинаковые газетные листы с одной и той же статьёй.

Он сел на край кровати. Что связывает Роланово собрание книг Жюль Верна и «Затрепину Жюлю» женщины в вязаной шапке? Кто оставлял для него знаки? Почему выбрали именно его? Ему пришла в голову безумная мысль: Ролан? Возможно, Ролан застрял где-нибудь в неизведанной, никому не доступной вселенной и сумеет выбраться оттуда, лишь когда он, Миро, найдет его убийцу?

«Да ты бредишь, Миро!»

Напряжение нарастало. Ему нужно было выпить. Он вспомнил, что за стенкой спит Селим, и решил ограничиться сигаретами. Он выкурил две, одну за другой, с наслаждением вдыхая дым. Он стал легким... совсем легким... Ему вдруг вспомнился один очень сложный пазл, настоящая головоломка – пейзаж Моне: он собирал его несколько дней, это было давно, в детстве. Картинка почти сложилась, когда он вдруг осознал, что чего-то не хватает.

Три! Книг было три! Он протянул руку, вытащил из сумки третью книгу: серия «Маска»¹⁶, название – «Рыжеволосая женщина». Он принялся лихорадочно листать страницы, как вдруг заметил, что на ковер выпала визитная карточка:

Жорж Льевен
Старая книга. Купля-продажа
Блошинный рынок в Монтрёе
Суббота – воскресенье – понедельник

Ниже карандашом было приписано: «Луиза Мишель. “Мои начинания и воспоминания о моей жизни” и “Хорошая Луиза” Эрнеста Жиро¹⁷».

¹⁶ * Детективная серия, которую с 1927 г. выпускает парижское издательство Librairie des Champs-Élysées (современное название – Éditions du masque).

¹⁷ * Эрнест Жиро (1871–1933) – французский журналист и анархист.

4

18 октября

Одетая в спортивные брюки и ветровку девушка поправила наушники под беретом. Она пряталась от дождя при входе в кинотеатр, откуда ей была видна вся пустынная улица Кремьё. Обычно он выходит из дома не раньше девяти. Поднимается в сторону улицы Берси, переходит Сену по Аустерлицкому мосту и садится в автобус либо идет до своего лотка пешком. В такую погоду, как сегодня, он не работает. Если, как она надеялась, он разгадал «послание», то он отправится как раз туда, куда ей и было нужно.

Девушка в наушниках увидела, как он идет по улице – быстрым шагом, немного ссутулившись, сунув руки в карманы. Она взглянула на часы: как раз вовремя. Он свернул ко входу в метро. Она подхватила свою спортивную сумку и пошла за ним следом. Ей не терпелось узнать, что же он собирается делать. Он сел в поезд в направлении Венсенского замка: теперь она была почти уверена в успехе. Когда он вышел, чтобы сделать пересадку на «Площади Нации», она поняла, что он заглотил наживку.

Блошинный рынок был зажат между окружной дорогой и гостиницей Ibis с примыкающим к ней торговым центром: он изо всех сил пытался выжить, хотя год от года становился все меньше. Его ряды, от которых постоянно отщипывали все новые и новые куски, напоминали приговоренных к смерти, которым пока что отсрочили приговор. Прилавки, заваленные старой одеждой, бросовым товаром по якобы выгодной цене, кассетами с песнями никому не известных арабских шансонье, африканскими тканями – блошинка всегда казалась Миро таким восточным базаром, где среди груд мусора нет-нет да и блеснет истинное сокровище. Правда, этим утром, под проливным дождем, рынок скорее напоминал пену, снятую с кипящего парижского котла. Вокруг прилавков валялись обрывки газет и грязные пластиковые пакеты.

Миро миновал несколько лотков с товаром на любой вкус и остановился у прилавка с грудой книг, которые немилосердно поливал дождь. Торговец, крупный краснолицый человек в шоферском комбинезоне, укладывал книги в картонные коробки и убирал их в глубь стоящего тут же фургона.

– Привет, Льевен.

– Да что ж за погода такая! Двух дней подряд продержаться не может!

Миро сделал вид, что заинтересовался кое-как прикрытыми брезентом томами собрания сочинений в твердом переплете.

– Бери все за сто франков, – бросил Льевен. – Там одного не хватает.

– Скажи-ка, Льевен, со мной тут случилась неприятная история. Одна дама забыла у меня на набережной свои покупки. У нее рыжие волосы, она хотела купить «Двадцать тысяч лье под водой». Она случайно к тебе не приходила?

Льевен почесал затылок, взглянул на Миро, на небо и плюнул.

– Ты что, издеваешься? Спрашиваешь про «Двадцать тысяч лье под водой», когда тут льет как из ведра!

– Льевен, я серьезно.

– Я тут не все время сижу, надо спросить Баттисти. Подожди, я его позову, он вроде был в машине.

Девушка в наушниках остановилась у прилавков со старым тряпьем. Она купила непромокаемый плащ, матерчатую бейсболку и расшитую китайскую сумочку. Время от времени она поглядывала на прилавки с книгами по другую сторону прохода. Спрятавшись между фургонами, она сняла ветровку, надела плащ, сменила берет на бейсболку, перело-

жила кошелек и плеер в новую сумочку и аккуратно задвинула свою спортивную сумку под одну из машин.

Баттисти появился нескоро: наверняка он боялся, что от дождя станет еще меньше – ростом он был не выше десятилетнего ребенка. Он походил на контрабандиста тридцатых годов: напояженные волосы, навощенные усы, клетчатый костюм и начищенные до блеска туфли. Он протянул Миро руку. Тот повторил ему свою историю – Баттисти скорчил гримасу и медленно кивнул.

– Да-да, я знаю, о ком ты, – запищал он. – Занудная тетка, уболтала меня так, что я не знал, куда деваться. На той неделе приходила три раза. Не знаю, где там она живет, но это явно та еще отвратительная дыра – она все повторяла, что у нее окна выходят на кладбище. Я ей сказал, что ей не придется ехать к месту вечного упокоения общественным транспортом – раз уж она живет напротив. Думал, она меня на куски разорвет. В общем, я решил побыть вежливым и спросил у нее, где находится это ее кладбище. Она сказала: «Неподалеку от станции метро “Урк”, но можно дойти и от “Данюб”».

Миро тепло поблагодарил коллег, купил для порядка разрозненные тома собрания сочинений и направился к площади Порт-де-Монтрёй. Девушка в наушниках следовала за ним.

Когда они вышли на платформу метро, к ней как раз подъехал поезд. Она первой вошла в вагон. Он сел у окна, спиной к ней. Замелькали станции. После «Оберкампф» он встал и подошел к дверям. Она выждала несколько секунд, глядя в пустоту, затем тоже поднялась. Он вышел на «Площади Республики», взглянул на схему метро и направился по коридору на пересадку в направлении «Бобины». Она не теряла его из виду. Все шло как по маслу.

Дождь перестал. Район представлял собой смесь старых развалюх и уродливых новых зданий, отчего-то названных громкими именами знаменитых композиторов. Миро очертил вокруг единственного в округе кладбища – Ла Вилетт – воображаемый четырехугольник, который образовали улицы Пети, Губе, д’Опуль и Водремер. Встав на аллее кладбища, по обеим сторонам которой высились неоготические усыпальницы, он отметил для себя дома, окна которых обеспечивали жильцам отличный вид на этот загробный мир. Доверившись интуиции, он выбрал пару старых зданий по улице д’Опуль, неподалеку от ресторана «Обрак», предлагавшего посетителям комплексные обеды.

Девушка в наушниках увидела, как он заходит в бар «Релакс» на углу улицы Пети. Он заказал кофе и сэндвич с ветчиной. Съел сэндвич, вытащил из сумки блокнот и толстый фломастер и принялся писать. Исписав с десятков страниц, он перечитал написанное и вдруг почувствовал желание немедленно все бросить. Допустим, рыжеволосая женщина заметит это объявление, допустим, она свяжется с ним – но что он сможет ей сказать? Вся эта история строилась лишь на домыслах...

Он подумал о Ролане и вновь ощутил пустоту внутри. Жить, умирать – какой в этом смысл? Зачем суетиться, зачем к кому-то привязываться? Действительно ли в той, последующей жизни существует что-то иное? Он сомневался – и в то же время хотел в это верить. Он четко помнил, когда впервые ощутил всю тщетность жизни. Ему было восемь лет. Вечерело. Он не двигался с места, не включал свет: его словно парализовал страх перед тьмой, медленно поглощавшей привычную ему обстановку. Внезапно он понял, что каждый человек сам создает свою реальность. Ничто, кроме собственно жизни, не имеет значения... Он должен узнать, кто украл у Ролана это сокровище. Он залпом допил уже успевший остыть кофе.

Девушка в наушниках терпеливо ждала у спортивного центра. Убедившись, что Миро уже далеко, она прошла по улице д’Опуль, остановилась перед булочной и прочла объявление, которое он приклеил на витрину:

Если Вы искали книгу «Двадцать тысяч лье под водой», просим Вас позвонить по телефону 20.20.20.30.81. Один из букинистов, с которыми Вы общались, сумел найти для Вас это издание.

5

19 октября

Когда Миро проснулся, голова у него трещала, во рту было горько. Он откинул одеяло, открыл окно. Шел мелкий, теплый дождь. Миро вернулся в постель. Лемюэль растянулся в ногах кровати – уложив морду между лапами, он с укоризной глядел на хозяина: «Ну что, когда уже? Я есть хочу!»

Миро сдался и нетвердыми шагами отправился в кухню. Селим заботливо оставил на столе хлебцы и масло; кофе еще не остыл. Миро открыл банку собачьего корма, выложил его в тарелку, стараясь не вдыхать отвратительный запах. Лемюэль тут же принялся есть, не выказав ни малейшей благодарности: лучший друг собаки попросту выполнил свой долг.

Зазвонил телефон. Миро бросился к аппарату. Нелли! Это может быть только Нелли! – Алло?

Звонила женщина; голос у нее был немного шепелявый. Она представилась: Эмильена Багу. Она приходила к нему на набережную, а теперь прочла его объявление. Она живет на улице д'Опуль, дом 52, шестой этаж, последняя дверь направо. Не мог бы он зайти днем? Она предлагает выгодную сделку: у нее есть на продажу старые книги, издание Жюль Верна с золотым обрезом – почти все собрание, кроме одного романа.

Миро ответил, что зайдет часов в одиннадцать: принесет ей два экземпляра «Двадцати тысяч лье под водой» из «Зеленой библиотеки»¹⁸ и биографию Луизы Мишель, написанную неким Фернаном Планшем. Это все, что он пока сумел найти.

Выгуляв Лемюэля, он сходил за продуктами, вернулся, выпил две чашки кофе и набрал номер Нелли. Сработал автоответчик, и он тут же повесил трубку: пусть Нелли не надеется, что он станет ее умолять – не дождется. Разочарованный, злой на себя самого, он запер дверь квартиры и сбегал вниз по лестнице; едва не упал, увидев, что надел разные носки – один белый, другой зеленый.

На углу улицы Траверсьер он – слишком поздно – заметил, что прямо на него идет Блез де Разлап со своим Бобби и его хвостиком.

– Добрый день, мсье Жасси, что за отвратительная погода, а?

– Да уж, лучше и быть не могло, – буркнул Миро.

– По телевизору всё говорят об азорском антициклоне – смех, да и только! Мы еще заплатим за это тепло: зима будет суровой.

– Просто удивительно, как много вы знаете.

– Тут надо благодарить мои мозоли: они всегда болят к дождю.

– Я как раз иду купить себе зонт, – бросил Миро напоследок и направился к метро.

На пустынной платформе станции «Урк» к Миро привязался озлобленный бездомный.

– Подай мне что-нибудь, пока не помер!

Миро бросил ему в карман монетку.

– Спасибо. Пусть у тебя будут пышные похороны, – кланяясь, сказал ему бездомный.

На углу улицы д'Опуль Миро заметил на потрескавшейся стене дома надпись, сделанную баллончиком с краской:

Тихая поступь домашних туфель страшнее громохання солдатских сапог.

¹⁸ * Книжная серия для детей и подростков, которую с 1923 г. выпускает издательство Hachette.

Он задумался над справедливостью этой фразы – она показалась ему пророческой – и едва не пропустил дом номер 52.

Едва переводя дыхание, утирая со лба пот, Миро прошел по темному коридору шестого этажа и остановился у последней двери справа. Звонка не было. Он постучал и тут же услышал яростный собачий лай, а следом – хриплый женский голос:

– Замолчи, Тоска! – и тут же тоном выше: – В чем дело?

Миро подумал, что такой голос наверняка подошел бы поджарому волку из мультфильмов Текса Эйвери. Дверь приоткрылась, из-за нее показалось сварливое, угловатое, испещренное морщинами лицо, наполовину скрытое выбившимися из-под сеточки белыми прядями волос.

– Вы по какому делу?

Толстая, рычащая немецкая овчарка просунула морду в дверь, которую ее хозяйка придерживала ногой в теплой домашней туфле.

«Это не рыжеволосая женщина, – подумал Миро, – похоже, я ошибся».

– Извините, я ищу мадам Багу.

– Это я, что вам нужно?

– Сегодня утром мы с вами говорили по телефону, я...

Она не дала ему закончить:

– А, так вы из Общества защиты животных! Долго же вас пришлось ждать! Замолчи, Тоска! Не знаю, с вами ли я говорила, и обижать вас мне совсем не хочется, но уж простите, надо быть полным идиотом, чтобы не понять, что дело срочное. Она уже неделю не открывает ставни, но раз в два дня все равно тащит в дом по паре сумок с опилками – уж точно не для растопки! Замолчи, Тоска! Скажите, вот скажите, сколько, вы думаете, у нее там кошек? Четырнадцать, да-да, и она их не ест, они там просто живут, а если вы думаете, что я вас обманываю, спросите у ее соседки, у которой водянка, она не встает с постели, но слышит мяуканье за стеной. А запах, это просто кошмар какой-то! Замолчи, Тоска! Я даже окно в квартире не могу открыть из-за этой вони. Я люблю животных, но ведь за ними надо убирать! Или взять этого Бурдуэна, со второго этажа – пьет, как сапожник, и еще завел себе пару лаек, так они худющие, что твоя смерть, потому что все деньги он тратит на бухло, а если что остается, так он то мопед себе купит, то шмотки какие модные, и еще долгов наделает, но вот чтобы собак покормить – это нет, даже не надейся. Займитесь-ка и им тоже, потому что, повторяю вам еще раз, если бы не такие, как я, вы бы в своей конторе так и продолжали бы издеваться над простыми людьми! Замолчи, Тоска!

Потрясенный Миро вынужден был выслушать ее излияния, поскольку, как он ни пытался, он не сумел вставить ни слова. Он пристально глядел на отвислые щеки женщины, вздрагивавшие всякий раз, когда она выплевывала очередную фразу, будто бы отрубая ее ножом, и с тоской размышлял о печальном уделе плоти. Интересно, была ли эта тетка в молодости хоть чуточку привлекательной? Неужели и сам он однажды превратится в подагрического старика? Воспользовавшись наступившей тишиной, Миро осторожно заметил:

– Наверное, вы ошиблись, я не из...

– Вы не из Общества защиты животных? – вскрикнула Эмильена Багу.

– Нет, я...

Дверь захлопнулась у него перед носом. Он глубоко вдохнул и постучал снова. Раздался жуткий собачий лай. Из-за деревянной двери послышался приглушенный, угрожающий женский голос:

– Замолчи, Тоска! Не могли, что ли, раньше сказать! Уходите! У нас в районе завелся маньяк, который душит одиноких женщин! Вы что же, думаете, я после этого вас впущу?

– Я принес вам книги, Жюль Верна...

– Продайте свое дерьмо кому-нибудь другому!

Миро осознал всю нелепость своего положения: эта безумная старуха над ним издевалась. Он едва сдержался, чтобы не швырнуть книги в закрытую дверь. Ему хотелось лишь одного: бежать прочь из этого дома, насквозь пропахшего жавелевой водой и прогорклым маслом. Спустившись по лестнице до четвертого этажа, он наткнулся на женщину в красном плаще с двумя корзинами, полными продуктов: она преградила ему путь. Она подняла на него очень худое лицо, рассмотреть которое мешали огромные очки в форме бабочки. Волосы женщины были повязаны платком с узором из божьих коровок. Миро попытался ее обойти, но она поставила свои корзины на пол и окончательно перегородила проход.

– Вы случайно не от мадам Багу?

– Да, но...

– Вы ведь букинист, да? Это я вам звонила. Так глупо, я опоздала – задержалась на рынке. Думала встретить вас у дверей ее квартиры.

– Вы?

– Да, это из-за ненормальной, что живет у старухи, ее зовут Амели Ногаре, как она говорит. Когда я увидела ваше объявление, сразу поняла, что речь о ней, но, видите ли, ее сейчас нет, так что я решила сама вам позвонить и встретиться с вами. Я назвалась именем мадам Багу, потому что сама здесь не живу.

– Ничего не понимаю.

– Все очень просто. Амели Ногаре – это такая странная особа, никогда не здоровается, будто бы язык проглотила. Она сняла комнату у Багу – неофициально – и живет там, не платя никаких налогов. Мне-то на это плевать, я думаю, что налоговая служба... Впрочем, неважно. Так вот, эта Ногаре приходит раза два-три в месяц только переночевать, а в остальное время она живет в Руане – во всяком случае, она так говорит. Ой, извините, я ведь даже не представилась, меня зовут Шарлин Кросс, а вы ведь месье Жиро Масси, так?

– Жасси, Миро Жасси, – поправил Миро, нервно ухмыльнувшись. – Так что с книгами на продажу?..

– Это я сказала, чтобы вы пришли, потому что, знаете, эта Амели Ногаре меня до смерти пугает – такая рыжая и очень похожа на ведьму. Забыла сказать, я хожу к старухе помогать по хозяйству, немного готовлю, иногда делаю ей массаж спины – хотя с большим удовольствием сделала бы его какому-нибудь красавцу мужчине...

Миро промолчал.

– Так вот, какое вышло странное дело. Вся комната этой девицы завалена книгами – они везде: на кровати, на комод, на полу, целые стопки, – а название у всех одно и то же! Это уж как-то не по-христиански, может, она наркотиками торгует? Я видела фильм по телевизору, так там наркотики прятали в книгах и продавали...

– А название какое?

– Фильма? Забыла.

– Нет, книг.

– Мм... черт, на языке вертится, что-то про воду... да... извините... да, вода, так и есть! «Двадцать тысяч чего-то там под водой», всех форматов, большие, маленькие, толстые, тонкие. Говорю вам, если эта Амели Ногаре шизанутая, меня это не удивит. Как-то раз я решила за ней проследить. Понимаете, мне хотелось разобраться. Ну уж она меня и заездила! Хотя, конечно, это неплохо для здоровья, и к тому же Ботанический сад мне нравится, хорошее место для прогулок, самое то для красивой девушки вроде меня...

Она замолчала, желая убедиться, что Миро понял ее намек.

– Куда она ходила?

– Ну же, не так скоро, мы едва знакомы. Надо бы мне попридержать язык, моя матушка часто говорила: «Шарлин, язык у тебя такой длинный, что ты вполне можешь облизать себе задницу», она, как видите, любила пошутить.

Миро вздохнул: он все понял. Он вытащил кошелек, где лежало две бумажки по сто франков, и отдал одну из них Шарлин Кросс. Та улыбнулась и продолжила:

– Мы вышли на улицу по другую сторону Ботанического сада, прошли мимо мечети. Такой интересный квартал, настоящее путешествие – и ехать никуда не надо, потому что, знаете, я все мечтаю поехать в Турцию, но у меня нет денег. Дальше был перекресток, а за ним – крытый рынок, отреставрированный, очень симпатичное место: там теперь рядом неплохие квартиры, только, знаете, не для простых людей. Амели Ногаре зашла в фотоателье напротив рынка. Я ждала ее минут двадцать, не меньше, но она так и не появилась. Я подошла ближе, будто просто иду мимо, а внутри была только продавщица.

Миро достал блокнот и ручку.

– Так как, вы говорите, зовут эту рыжеволосую женщину?

– Ногаре, Амели Ногаре. Я-то ее не знаю, все, что мне известно, – она лифчиками торгует. Странная работа, с ее-то внешностью, потому что, откровенно говоря, сиськи у нее вовсе отсутствуют!

– Спасибо, – сказал Миро и начал спускаться.

Перегнувшись через перила, Шарлин Кросс крикнула:

– Может, выпьем кофе? Я только занесу сумки к мадам Багу. Я мигом.

– Простите, но стофранковые купюры не растут на деревьях. Мне надо работать.

У входной двери Миро столкнулся с двумя лайками и лысоватым человеком, не слишком твердо державшимся на ногах. Миро посторонился, давая им пройти. Он был совершенно растерян. Дождь его немного освежил.

В метро Миро сел напротив двух девчушек, с немим восторгом разглядывавших в журнале фотографии какого-то бойз-бенда. Глянув мельком на фотографии, Миро подумал, что красивые парни с безволосыми торсами наверняка совершенствуют свои вокальные данные посредством усердных тренировок в спортзале. Он выпрямился, расправил плечи. Он отлично знал, что его внешность не производит большого впечатления на представительниц противоположного пола; неужели упражнения с гантелями способны повысить его шансы нравиться женщинам? «Я с удовольствием сделала бы массаж какому-нибудь красавцу мужчине», – сказала Шарлин Кросс. Миро вздрогнул. Нет, не таким женщинам! Что-то не давало ему покоя – какая-то деталь из потока обрушившихся на его голову абсурдных фактов. Он никак не мог понять, какая именно. Пора прекращать, это дело превращается в настоящий фарс. Пусть расследованием занимаются полицейские.

Тревога комом застряла у него в горле. Его лучшего друга, брата женщины, с которой он вместе жил, убили, а полицейские даже не подумали его допросить. Почему? Нелли сказала ему, что тело Ролана пролежало в закрытом магазине трое суток. Значит, убийство произошло в прошлое воскресенье или в понедельник. Он попытался вспомнить, чем занимался в эти дни. Как и всегда, уходил на набережную, оставался там с десяти утра до сумерек, а затем возвращался напрямик на улицу Кремьё – вот только никто не смог бы подтвердить, что он там и оставался. Никакого алиби. Отлично, Миро!

Интересно, он в списке подозреваемых? Следят ли за ним? Миро оглядел сидящих вокруг пассажиров: все погружены в себя, избегают смотреть друг на друга. Прослушивают ли его телефон? Если да, то они должны быть в курсе истории с Жюлем Верном... если только вся эта история не была тщательно спланирована и разыграна для того, чтобы его раскусить...

«Миро, кончай уже читать все подряд. У тебя башка совсем не варит!»

В голове гудело. Что за бессмыслица. Он с трудом представлял себе, что какая-то женщина-полицейский сыграла роль Шарлин Кросс, желая таким образом вывести его на

чистую воду. Или это был мужчина? Идея его позабавила, он усмехнулся. Шарлин Кросс! Здесь что-то не сходится: на этот раз он был в этом уверен. Он едва не проехал свою станцию.

Он пересек Госпитальный бульвар. Работать совсем не хотелось, а дождливый день дал ему возможность безо всяких угрызений совести заняться другими делами. Ботанический сад был в двух шагах, Миро снова вспомнил о Шарлин Кросс. А если он и правда найдет то фотоателье? Нет, сначала нужно все обдумать. Он вспомнил об оранжерее с тропическими растениями: место из другого мира и другого времени, где к тому же всегда тепло. Оранжерея еще закрыта – он как раз успеет поесть в мечети тушеного мяса с овощами.

На улице не переставая лил дождь, закрытые ставни и задернутые шторы создавали в спальне полумрак. Лежа под стеганым одеялом, Эмильена Багу блаженствовала в предвкушении послеобеденного сна. Она съела целую тарелку почек с макаронами и ощущала приятную тяжесть во всем теле. Она уже задремала – но вдруг в ужасе очнулась: в комнате слышалось чье-то легкое дыхание.

– Тоска? Это ты, Тоска?

Она вспомнила, что заперла собаку на кухне. Прислушалась, широко раскрыв глаза от страха. Приподнялась, захлопала по столу в поисках выключателя. Набравшись смелости, включила ночник и с облегчением вздохнула:

– А, так это вы! Вы меня испугали. Но... как вы вошли?

Шарлин Кросс стояла примерно в метре от кровати. Она сняла плащ и осталась в облегчающем платье: теперь она казалась еще более худой. Улыбнувшись старухе, она размотала платок и распустила отливающие синевой волосы, уложенные в высокую прическу, затем подняла руку, быстрым жестом сорвала с головы парик и бросила его на кровать. В бледном свете ночника заблестел голый череп. Старуха застонала. Продолжая улыбаться, Шарлин Кросс ухватила большим и указательным пальцем за свой нос и с сухим щелчком оторвала его. Эмильена Багу раскрыла рот – в горле у нее что-то булькнуло. Она повалилась на подушки, вытаращив глаза от ужаса, не чувствуя, как ей в вену воткнулась игла, и тут же заснула.

– Привет от Мари-Джо, – прошептала Шарлин Кросс.

Сев на корточки, она вытащила из кармана плаща пластиковый пакет. Улыбнулась, увидев на пакете логотип с надписью «Наслаждение фруктами». Наклонилась к неподвижному телу старухи, натянула пакет ей на голову и завязала ручки под подбородком. Отступила назад, а затем подняла найденный в одном из кухонных шкафов нож. Ударила изо всех сил, так, что нож пронзил одеяло и воткнулся в неподвижное тело.

«Забавно, – подумала она, вновь замахиваясь ножом, – ты чего-то страстно желаешь, постоянно думаешь об этом, но в момент, когда это происходит, не чувствуешь и десятой доли того наслаждения, которое предполагал испытать».

Кровь медленно пропитывала одеяло. Она сняла с головы латексную шапочку, взъерошила волосы, забрала шприц, парик и накладной нос, убрала их в сумку. Перед тем как надеть плащ, она в последний раз обернулась и осмотрела труп.

– Ты ведь знала, старушка, что слишком длинный язык укорачивает жизнь.

Положив на широкую грудь покойницы третий том «Отверженных» и «Пятьсот миллионов Бегумы», она выпустила из кухни собаку, вышла из квартиры, заперла за собой дверь и сняла перчатки.

Уронив голову на грудь, Миро сидел под гигантскими пальмами, верхушки которых упирались в стеклянную крышу оранжереи. Неподалеку, в гроте, шумел небольшой водопад. Миро виделся белый песок, тропический лес, серебристые волны океана. Две обнаженные, соблазнительные смуглые девушки неспешно обмахивали его веерами. Миро погружался в

сон, где красное солнце в последний раз освещало все вокруг, а затем садилось за горизонт. Внезапно его яркие лучи исчезли, а на их месте возникла рыжеволосая ведьма в очках – взлетев на верхушку минарета, она насмешливо закричала: «Я мечтаю поехать в Турцию, но у меня нет денег!»

Миро подпрыгнул, видение рассеялось, но голос остался, завертелся у него в голове, назойливый, как комар. Голос Шарлин Кросс! И вдруг он понял, что вовсе не ошибся: у этой женщины был едва заметный дефект произношения, она заменяла свистящие согласные шипящими. Миро осознал, что этот дефект напоминает ему о ком-то, с кем он когда-то был знаком, но он никак не мог вспомнить лицо и имя. Чем больше он пытался сконцентрироваться и припомнить, тем больше нелепых образов проплывало у него перед глазами: пляж, пальмы, Гоген, мерзкая улыбка Фрогги, Бобби и его обрубок хвоста, близнецы-инопланетяне. Он направился к выходу из оранжереи, испытывая раздражение, знакомое человеку, у которого спина чешется в таком месте, до которого он никак не может дотянуться.

«Хватит, забудь об этом, – сказал он себе. – Сейчас приеду домой, выгуляю Лемюэля, приму душ, выпью коньяку, послушаю Сару Вон¹⁹, а когда в голове у меня прояснится, приму решение».

Оказавшись дома, он вдруг испытал тревожное чувство одиночества. Уставившись на телефон, он несколько раз произнес имя Нелли: он был готов на любые унижения, лишь бы снова увидеть ее. Впрочем, он тут же вспомнил о том, какая пропасть их разделяет, и передумал ей звонить. Он страшно устал – до ломоты в костях. Надо поспать перед ужином, это позволит ему собраться с мыслями.

Квартиру наполнил полумрак, играла тихая музыка Дебюсси. Миро растянулся на кровати и принялся перебирать в уме события последних дней. Он ощущал необъяснимое беспокойство, которое постепенно рассеивалось, превращаясь в дремоту, почему-то имевшую горький привкус.

Спать. Миро выключил радио.

Уже знакомые ему сны, заполнявшие его одинокие ночи, завладели им, коварно проникли в его сознание, превратившись в вихреподобные эротические мечтания, и поглотили его целиком.

Автомобили выстроились в нескончаемые очереди, толпы служащих, вышедших с работы, устремились к входам в метро, жители пригородов осаждали вокзалы. Девушка в наушниках свернула на Лионскую улицу. Проходя мимо китайского ресторана под названием «Башня желаний», она загадала, чтобы исполнилось то, чего ей хотелось больше всего на свете.

Выйдя на узкую тихую улочку, застроенную невысокими домами, она столкнулась со стариком, выгуливавшим пса, и ей вдруг показалось, что она в деревне.

«Что за чудесное место!» – подумала она, глядя на выстроившиеся вдоль тротуара горшки с цветами и кустами.

Найдя нужный дом, она вошла в подъезд. Взглянула на фамилии жильцов на почтовых ящиках и подсчитала, что Миро живет на третьем этаже, а старик с собакой прямо над ним.

¹⁹ * Сара Вон (1924–1990) – одна из самых популярных американских джазовых певиц XX века.

6

20 октября

Миро очнулся и сразу понял, что еще не до конца протрезвел. Было тяжело дышать. Сквозь шторы пробивался серый рассвет. Сидящий у изголовья Лемюэль тут же принялся гипнотизировать хозяина.

– Сейчас, старик.

Начать новый день было так же непросто, как завести автомобиль в далеком 1910 году. Для этого требовалась огромная энергия: приходилось снова и снова крутить маховик. Мотор плевался, чихал, замолкал, оживал вновь и, наконец, сдавался.

– Знаешь, Лемюэль, мне кажется, я страшно одинок. Но тебе-то наплевать, да? Поесть, побегать, поспать да получить свою порцию нежностей – вот и все, что тебе нужно в жизни!

Лемюэль зевнул и резко обернулся: в дверь постучали.

На пороге стоял Блез де Разлап: сейчас он больше всего походил на пойнтера, сумевшего взять след.

– А, мсье Жасси, рад, что вы дома. Вчера вечером одна дама оставила для вас пакет, она просила передать его вам лично в руки. Дело, похоже, срочное. Я ждал вашего прихода до вечерних новостей, но потом лег спать – у меня ведь режим.

– Вчера вечером? Но вчера я был дома, я рано вернулся, часов в шесть.

– Наверное, вы не слышали, как она стучала, или были слишком заняты, чтобы открыть, – хитро ухмыляясь, предположил старик.

– Простите?

– Нет-нет, ничего.

– Хотите кофе?

– Нет, нет, Бобби пора пописать...

– Она назвала свое имя?

– Нет, а я не осмелился ее спросить.

– Как она выглядела?

– Даже не представляю. С этим таймером свет постоянно отключается, нам всем следовало бы собраться и написать письмо домовладельцу. Она была одета так, как теперь одевается молодежь: джинсы, вязаная шапка, на шее наушники – знаете, эти устройства, от которых портится слух. Вы поняли, кто это?.. Нет, не поняли?

Миро вздрогнул.

– Вязаная шапка? Вы уверены?

– Открою вам секрет, мсье Жасси. Прическа женщины оказывает на меня совершенно особое воздействие. Это первое, на что я всегда смотрю. Та девушка была в вязаной шапке с отворотом, так что я не увидел ни единой прядки ее волос. – Он наклонился к Миро и игриво шепнул: – Кажется, мсье Жасси, вы тот еще дамский угодник!

– Ничего не могу поделать, женщины за мной так и вьются, – буркнул Миро, закрывая за стариком дверь.

Он положил сверток на стол. Ему хотелось открыть пакет – и в то же время вовсе не хотелось этого делать. Пока не доказано иное, он свободен: никакие девицы в шапках не могут заставить его беспрекословно им повиноваться.

Лемюэль бросил на него жалобный взгляд. Он потянулся, проскользнул передними лапами по паркету прихожей, в то время как задние лапы так и остались на месте, подобно ножкам стула.

– Ну-ка, хватит! Делай как я, терпи!

Пес поднялся и с неохотой отправился следом за ним на кухню. Миро подогрел кофе. Стоя у раковины, он смотрел на улицу. Он видел, как Блез де Разлап торопливо потащил в сторону своего Бобби, не желая столкнуться с выходящим из дома Баширом.

Внезапно Лемюэль тревожно застонал и забился под диван. Миро улыбнулся, глядя на расплывающуюся у плиты лужицу мочи; каким бы ни был исход, в конце всегда ждет облегчение. Он взял чашку и сел за стол. Ощупал пакет, сорвал скотч и развернул бумагу. Внутри обнаружилась довольно часто встречающаяся книга серии «Нельсон»²⁰: Виктор Гюго, «Отверженные», том III. На форзаце черным маркером были крупно написаны числа: 462 463.

Миро открыл страницу 462. Некоторые слова были подчеркнуты красным. Ему потребовалось несколько минут, чтобы сообразить, что вместе они составляют вполне связное предложение. Он схватил карандаш и переписал предложение на газетном листе:

«Анжольрас... оттолкнул ногой труп... Анжольрас... сказал... то, что сделал этот человек, гнусно... Вот почему я убил его...»

Он шепотом перечитал все предложение целиком. Ему казалось, что он глядит в мутную воду и видит в ней неясные, угрожающие отражения. Кто-то пытается заставить его куда-то пойти. Но кто? Девушка в шапке? Или же она всего лишь посредник, посланник?

Анжольрас! Нужно подумать, понять, что скрывает это имя!

Миро закрыл глаза. Он понимал, что этот отрывок из «Отверженных» был сознательно подобран таким образом, чтобы заставить его вспомнить о том, как он любит загадки. Тот или та, кто оставлял метки на его пути, знали о его слабости: раскрывать тайны, находить ошибки, выявлять правду... Эта идея поразила его подобно молнии. Проблема предстала под иным углом. Он отодвинул стул, подошел к кое-как уложенным в стопки книгам у дальней стены комнаты: как же глупо будет, если здесь не найдется романа Гюго!

Разбросанные по полу пыльные книги складывались в шаткие груды. Лемюэль решил было высунуться из-под дивана – но в двух сантиметрах от его носа тотчас же приземлился словарь «Ларусс».

– Вот они! – воскликнул Миро, вытаскивая пятитомное издание «Отверженных», скрывавшееся за внушительным томом «Путеводителя растерянных»²¹.

В голове бешено стучало, пока он исследовал оглавления всех пяти томов.

Он обнаружил посвященные Анжольрасу фрагменты в четвертой части II тома, носившей название «Друзья азбуки».

Анжольрас был очаровательный молодой человек, способный на жестокость. Он был прекрасен, как ангел. Он походил на Антиноя, но только сурового...

– Вылитый я, Лемюэль! Только вот мне нравятся женщины. Слушай дальше:

«По задумчивому блеску его глаз можно было подумать, что в одной из прежних жизней он уже пережил Апокалипсис...»

Миро вздрогнул. Отрешившись от реального мира, он перечитал предложение, сконцентрировался на пяти словах, которые он несколько раз повторил про себя: «В одной из прежних жизней... в одной из прежних жизней...» Эта мантра увела его далеко-далеко, в неизведанные края, где слышались далекие отголоски: прежняя жизнь... реинкарнация...

²⁰ * Книжная серия карманного формата, выходила с начала XX века до 1930-х гг.

²¹ * «Путеводитель растерянных» – главный труд еврейского философа Маймонида (ок. 1138–1204).

я – реинкарнация Луизы Мишель... Луиза Мишель. Возникшая перед его глазами мутная картина постепенно прояснялась.

Темный коридор... Ворчливая старуха... Щелкает дверной замок... Он стоит посреди коридора, сжимая в руке три книги... Поднимает руку, останавливается, убирает книги в сумку...

Движимый одним из тех озарений, которые, казалось, определяли всю его жизнь, Миро бросился в спальню и вывалил на кровать все содержимое своей сумки. Отбросил два тома Жюль Верна из «Зеленой библиотеки» и схватил «Жизнь пылкой и бесстрашной Луизы Мишель». Миро принялся лихорадочно листать книгу, пропустил неловкие слова благодарного автора о «доброй Луизе» и тут же наткнулся на следующие строки:

Повесть «Отблески во мраке», получившая подзаголовок «Хватит глупцов, хватит сумасшедших», была напечатана в первые годы ее деятельности под псевдонимом Анжольрас: этим именем она подписывала статьи в «Гласе народа», газете, которую издавал ее друг Жюль Валлес.

– Анжольрас – Луиза Мишель... Рыжеволосая женщина! – выдохнул Миро.

Он продолжил читать и с изумлением узнал, что в действительности именно Луиза Мишель написала «Двадцать тысяч лье под водой». Ей срочно были нужны деньги, и она якобы продала Жюлю Верну неоконченную рукопись за сто франков, а тот уже дописал книгу, попросту добавив в нее несколько глав.

– Что за новости! – пробормотал Миро. – Никогда о таком не слышал!

Он наклонился, вытащил из кармана куртки блокнот и перечел то, что ему удалось узнать у Шарлин Кросс: «Рыжеволосая женщина = Амели Ногаре. Продащица в магазине бюстгальтеров. Фотоателье напротив крытого рынка в районе улицы Муфтар».

Миро взглянул на послание, записанное на газетном листе, подставил на место Анжольраса Амели Ногаре. Амели Ногаре оттолкнула ногой труп... Он испытывал странное чувство отстраненности – как будто бы он оказался вдали от собственного тела. Рука его непроизвольно рисовала лабиринты, наполненные бабочками, летучими мышами, мохнатыми пауками. Где-то в голове мелькало одно слово: «ТРУП... ТРУП...» Он сжал ладонями лоб: «ТРУП... РОЛАН... В холодильной камере лежит труп человека по имени Ролан Френель». Кто-то использовал нож и пластиковый пакет, чтобы уничтожить все желания, все чувства, переполнявшие этого человека, оставить от него лишь обескровленное, обреченное на гниение тело!

Миро поморщился: в груди словно застрял ком. Образ задохнувшегося, запертого в отсеке холодильной камеры Ролана внушал ему ужас. Он подошел к окну, высунулся наружу, жадно вдохнул. Внезапно он ощутил боль в спине, согнулся, скорчился, неумолимо возвращаясь к источнику всех своих мучений... Лето в лагере, когда ему исполнилось десять... Нормандский пляж. Он различил расплывчатый образ: серое небо, два светлых силуэта – его приятели Рене и Фредди.

– Вдох, выдох! Вдох, выдох! Раз-два, раз-два!

Грудные клетки надувались до отказа и тут же сдувались, подобно воздушным шарам. Взвод мальчишек в плавках строем шел за вожатым.

– Выше колени!

От строя отделились три фигурки.

– Быстрее, ребята! Спрячемся среди укреплений, там нас оставят в покое!

Самый младший резко остановился перед огромным бетонным кубом, выросшим у кромки пляжа.

– Я вас тут подожду. Неохота подрываться на немецкой гранате.

– Ну ты и дурак, Рене, – бросил Фредди. – А ты, Миро? Наверняка тоже боишься лезть в задницу к Гитлеру!

Миро помедлил. В стене бункера чернела дыра, коридор за ней уходил куда-то под землю. Бездонный колодезь.

– Будь у нас веревка и фонарь, я бы пошел.

– Ну ясно, ты тоже боишься!

– Нет, не боюсь. Вот тебе доказательство.

Он уселся на корточки на самом краю узкого прохода и поехал вниз. Было весело – как катиться с горки.

Внезапно горка закончилась, коридор стал отвесным. Он попытался затормозить ногами, совершенно растерялся, не сумел ни за что зацепиться и рухнул вниз.

Удар. Песок на зубах и эта боль в лодыжке. Он попытался встать. Лицом уткнулся во что-то шероховатое, холодное, липкое. Он заорал. Из груди вырвался лишь слабый писк.

Тишина.

Клейкая тьма наполнила его легкие, глаза, уши. Ужас медленно сжал горло удавкой. Он оказался в плену. Он погиб. Над ним сомкнулся мрак.

Его вытащили, лишь когда уже стемнело.

Миро смотрел на темное безоблачное небо, крыши, трубы, телевизионные антенны. Мучивший его с детства жуткий страх перед закрытым пространством рассеялся, ему на смену пришел глухой гнев. Он закурил. Рыжеволосая женщина по имени Амели Ногаре убила Ролана. Что за преступление он совершил, чтобы жизнь решила так с ним обойтись?

– Надо бы наведаться в это фотоателье, – громко сказал он.

Звучание этих слов наполнило все его существо новыми силами. Он заметил красноречивый взгляд Лемюэля. Задумался. Здравый смысл не советовал ему совершать бессмысленных поступков лишь ради того, чтобы доказать себе самому, что он на что-то способен.

Ну и черт с ним!

Он затушил окурок в чашке с кофе.

На улице было тепло. Миро с удовольствием пошел пешком – по улице Декарт, затем по Муфтар. Он часто бывал в этом квартале в часы, когда на рынке кипит жизнь. Звуки, цвета рынка порой представлялись ему декорацией, построенной для съемок какого-нибудь фильма – но теперь, ранним утром, все выглядело иначе. Ему вдруг показалось, что он – путешественник, сбившийся с пути в далекой стране. Улицы остались без грима, лишились обычных своих украшений и демонстрировали ему свою теплую, гладкую наготу. Между закрытыми магазинчиками то тут, то там открывался узкий проход в тихие, мощенные булыжником внутренние дворы.

Он свернул на улицу Воклен: выстроившиеся в ряд частные домики из красного кирпича напомнили ему Фландрию. Машин почти не было, пешеходов тоже – обстановка располагала к фантазиям, и Миро вдруг вообразил, что вернулся в эпоху, в которой ему всегда хотелось побывать, – в пятидесятые годы.

Выйдя на улицу Патриархов и обнаружив рядом с прачечной вход в крошечное фотоателье, Миро решил, что это романтическое место отлично подходит для того, чтобы с него начать расследование. На секунду его охватило ощущение дежавю: он поднял глаза выше, на два окошка второго этажа, будучи почти уверенным, что в них сейчас непременно мелькнет призрак. Но в окнах было пусто. Тогда он открыл дверь ателье.

Стоящая за прилавком спиной ко входу женщина раскладывала мотки фотопленки. Услышав звон колокольчика, она обернулась:

– Чем могу вам помочь?

Низкий, бархатный тон ее голоса неожиданно заполнил все его тело, где-то глубоко внутри него все рухнуло. Сколько ей лет? Двадцать два, двадцать три? Он почувствовал, что его как будто что-то сковало. Когда он заговорил, голос шел словно откуда-то издалека.

– Я кое-кого ищу.

– Кого-то из наших клиентов?

Он кивнул. Зазвонил телефон.

– Извините, – сказала она.

От ее тела шел свежий запах. Она протянула руку, взяла книгу для записей, улыбнулась. Миро ощутил, как в нем поднимается стремление утопить всю скудость его жизни в любви, в страсти, подобной той, которую он когда-то испытывал к Нелли.

Она повесила трубку.

– Так в чем же дело? Я вас слушаю.

Казалось, что она отдает ему приказания – как ребенку.

– Я потерял след одной подруги... То есть знакомой моей подруги.

– Как я могу вам помочь?

– Ее видели входящей в ваше фотоателье, но обратно она так и не вышла.

Она едва сумела скрыть свое удивление.

– Это нормально, – ответила она равнодушно. – Фотоателье – всего лишь прикрытие, на самом деле я здесь торгую женщинами.

Миро чувствовал в этой девушке хрупкость, но вместе с тем и силу, которой у Нелли никогда не было. Разрываясь между возбуждением и робостью, он не решался продолжить разговор.

– Чего вы от меня ждете? – нетерпеливо спросила она.

– Эта женщина, наша подруга... У нее рыжие волосы. Она пропала, и мы беспокоимся. Может быть, вы помните, как она к вам заходила?

– Вы из полиции?

– Нет-нет, я букинист – знаете, зеленые лотки вдоль набережных Сены.

– Конечно, Эйфелевы башни, горгульи, значки, магниты...

– И книги, в первую очередь книги.

То, как она разглядывала его – насмешливо и даже несколько агрессивно, лишь разожгло в нем желание, в голове роились совсем неуместные теперь мысли. Ему нравились форма ее губ, ее серые глаза, мягкий блеск ее волос. Как ее соблазнить? Для этого требовалось красноречие, которым он не мог похвастаться, для этого ему нужно было стать моложе, красивее – стать другим человеком...

– Послушайте, я с удовольствием помогла бы вам, но у нас много клиентов, и мне не платят за то, чтобы их... Что значит – «обратно она так и не вышла»?

– Женщина, которая ее ждала, возможно, отвлеклась на минуту, и наша подруга исчезла. Ваше ателье – последнее место, куда она...

– Знаете, по вашему рассказу кажется, что вы за ней следили.

– Женщина, которая шла за ней, пыталась... уберечь ее от опасности.

Он чувствовал, что его слова звучат все более и более нелепо. Что она о нем подумает?

Открылась дверь, посетитель протянул ей квитанцию. Она взобралась по лесенке, чтобы достать нужный ему товар. Миро наблюдал за ней. Казалось, что она на пару сантиметров ниже его: это его обрадовало. Свитер и джинсы подчеркивали ее фигуру, округлости, которые он уже мечтал ласкать. Обругав себя, он отвернулся и уставился на ростовую фотографию молодоженов, со счастливыми улыбками глядевших в объектив. Интересно, будут ли они выглядеть так же безмятежно в день развода?

Посетитель ушел.

– Единственное, что я могу вам предложить – посмотреть в книге записей, нет ли в ней клиента с таким именем... Как зовут вашу подругу?

– Амели Ногаре.

Она протянула ему визитную карточку.

– Позвоните через пару дней.

Пригласи ее выпить! Не уходи просто так!

Она вежливо улыбнулась ему. Встреча была окончена. Миро взглянул на карточку.

– Лора Форест, – прочел он. – Красивое имя.

Она легко кивнула в знак благодарности.

Дверь закрылась. Изгнанный из рая Миро пошел прочь, бормоча себе под нос: «Нельзя, нельзя, вспомни беднягу Орфея». Но, не пройдя и десяти метров, он все же обернулся. Показалось ли ему, или он действительно увидел в витрине тонкий силуэт девушки?

Чувствуя некоторое облегчение, он направился к метро и с изумлением отметил, что повторяет про себя ее имя – Лора.

Прислонившись спиной к дверному косяку, девушка в наушниках развернула первую утреннюю газету. Не обращая внимания на крупные заголовки, она пролистала газету до хроники происшествий на девятой странице. Тело старухи обнаружили! Крошечная заметка спряталась между сообщениями о загоревшемся грузовике и о теракте на Корсике.

Девушка в наушниках потянулась, по позвоночнику прошла волна жара. Она отложила газету, села за стол, взяла в руки ножницы и принялась за работу. Ощущая огромное удовлетворение, она одну за одной вырезала крупные буквы заголовков. Прежде чем аккуратно выложить буквы на конверте, она тщательно смазала их клеем: согласная, гласная, согласная, гласная, пробел, согласная. Она положила в конверт заметку с девятой страницы, заклеила конверт, а затем наклонилась к магнитофону и нажала на кнопку.

Show her the way, and maybe one day I will free her¹²².

Тихая музыка выпустила преследовавших ее призраков – казалось, комнату наполнили их бесплотные голоса: «Преступление – не приносит пользы, малышка!» Она тряхнула головой, подняла руку, будто бы отгоняя мух, и едва не рассмеялась: с этической точки зрения подобные трюизмы гроша ломаного не стоили. Если хоть что-то на этой земле и способно принести очевидную пользу, то этим чем-то может быть лишь преступление в любых его формах!..

²² 1 Песня «Sad Lisa» Кэта Стивенса. * «Покажу ей путь и, может быть, однажды освобожу ее...» (англ.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.